

УДК 811.512

А.А. Бурыкин

О взаимном соотношении отдельных групп алтайских языков и об относительном объеме изменений в отдельных группах алтайских языков: «древние», «новые» и «новейшие» алтайские языки.

Аннотация. Статья представляет опыт классификации языков алтайской семьи по объему сохранения архаических черт и инноваций, представленному в отдельных группах алтайских языков. Согласно построениям автора, монгольские языки являются наиболее архаичными, сохранившими наибольшее количество древних черт, а тюркские языки – наиболее подверженными преобразованиям в предшествующие периоды истории. Диаметрально противоположность монгольских и тюркских языков в этой классификации позволяет понять, почему в алтаистике долгое время не наблюдался прогресс: исследователи основывались в своих построениях на равную ценность разных групп алтайских языков для реконструкции или же даже полагали тюркские языки наиболее архаичными среди алтайских языков, что не позволяло выявить систему регулярных фонетических соответствий между монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и тюркскими языками.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, алтайские языки, монгольские языки, тунгусо-маньчжурские языки, тюркские языки, алтайская гипотеза, алтайская теория, алтайская семья языков.

A.A. Burykin

About a mutual relation of separate groups of the Altaic languages and about the relative amount of changes in separate groups of the Altaic languages: “ancient”, “new” and “latest” Altaic languages

Summary. The article represents an experience of classification of languages of the Altaic family according to the volume of preservation of archaic features and innovations, presented in various groups of the Altaic languages. According to the ideas of the author, the Mongolic languages are the most archaic ones, keeping a large quantity of ancient features, and Turkic languages show a lot of transformations in relation to the previous periods of history. The diametrical contrast of the Mongolic and Turkic languages in this classification allows to understand the reason, why in the Altaic studies there was no progress observed for a long time: the comparative researchers were based in the constructions on equal value of different groups of the Altaic languages for reconstruction or even believed Turkic languages the most archaic among the Altaic languages that did not allow to establish any system of regular phonetic conformity between Mongolic, Manchu-Tungus and Turkic languages.

Keywords: comparative-historical linguistics, Altaic languages, Mongolic languages, Manchu-Tungus languages, Turkic languages, Altaic hypothesis, Altaic theory, Altaic language family

Алтаистика как область сравнительно-исторического языкознания остается мало известной широким кругам лингвистов разных поколений от студентов до профессоров и в том числе исследователям языков, включаемых в алтайскую семью – тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского, японского. Это положение не меняется даже теми обстоятель-

ствами, что в ней после долгого периода ожиданий, длившегося несколько десятилетий, были достигнуты явные успехи – к некоторой досаде представителей петербургской востоковедной школы, они были достигнуты в первую очередь московской алтаистической школой в 1990-е – 2000-е годы и выразились в монографии С.А. Старостина «Алтайская проблема и проис-

хождение японского языка» [1], книге А.В. Дыбо «Семантическая реконструкция в алтайской этимологии» [2] и издании этимологического словаря алтайских языков [3]. Что характерно и не слишком радостно – с появлением этих работ оборвалась серия коллективных работ, подготовленных в отделе алтайских языков Ленинградского отделения института языкознания АН СССР [4, 5, 6, 7, 8], создающих прецедент сравнительно-исторического исследования лексики алтайских языков по тематическим группам и продолжающих сравнительно-фонетические разыскания и исследования по сравнительно-исторической морфологии.

Проблемы, связанные с трудной историей сравнительно-исторического изучения алтайских языков, заключены не столько в специфике материала, который представляют алтайские языки для сравнительно-исторических и даже не в длительности дискуссии об алтайской проблеме в отечественном и мировом языкознании [9, 10, 11, 12, 13] – эта проблема кроется в какой-то особой и непонятной логике эволюции идей и методов сравнительно-исторического языкознания в приложении к тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам, а также, похоже, за пределами индоевропейских языков в целом.

Изучая разделы по компаративистике в курсах введения в языкознание и общего языкознания с 1960-х годов вплоть до настоящего времени, мы в ряду перечислений семей языков практически не находим упоминаний об алтайской семье языков. И дело тут явно не в нерешенности проблемы, поскольку изучение многих языковых семей и языковых провинций с неклассифицированными массивами языков в какой-то момент успешно начиналось и доводилось до завершения теми, кто имел подготовку в области индоевропеистики: яркий пример – научная биография Э. Сепира (1884-

1939), индоевропеиста и германиста по образованию, решившего множество проблем в генеалогической классификации североамериканских языков. Индоевропеисты стояли и у истоков мирового и отечественного ностратического языкознания, и то, что московская алтаистика с 1960-х годов по своему происхождению составляет ветвь ностратики, во многом определяет успехи ее представителей. Логическим завершением определенного этапа в компаративистической лингводидактике в рамках московской лингвистической школы стало появление учебников по компаративистике С.А. Бурлак и С.А. Старостина [14, 15]. Эти авторы справедливо замечают: «Существование алтайской семьи вызывает – в том числе у тех, кто не знаком с алтайским языковым материалом, – сомнения, поскольку не все специалисты по тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам согласны с тем, что алтайские языки родственны друг другу. В то же время, например, гораздо слабее разработанная гипотеза о единстве афразийских языков является фактически общепризнанной» [14, 10]. Странно, что как раз алтаистика оказалась основным поводом для критики у рецензента этой книги, представляющего иные области гуманитарной науки, усмотревшего в алтаистических пассажах саморекламу авторов [16, 212-213], а в библиографии присутствует ряд критических в отношении алтаистики работ, содержание которых не раскрыто в тексте рецензии [16, 216].¹

Странно, что, как уже отмечено выше, в представлениях генеалогической классификации языков мира, которая некогда была обязательным элементом содержания курсов по введению в языкознание и общему языкознанию, систематика алтайских языков остается без должного внимания. В этом плане на безрадостном фоне основной массы учебных пособий весьма пози-

¹ Критический пафос работ А. Вовина в отношении алтаистики – а речь в данном случае идет именно об этом авторе – понятен: если он сам начинал как перспективный алтаист со специальной подготовкой в области компаративистики, но успехи в данной области, достигнутые в 1990-е-2000-е годы, оставили его не у дел, ему ничего не остается, кроме как попытаться развалить теорию при помощи мелких булавочных уколов. Показательно, что в своей весьма содержательной работе, предшествующей появлению «Этимологического словаря алтайских языков» С.А. Старостина, А.В. Дыбо и О.А. Мудрака [3] А. Вовин вполне здраво оценивает как современное состояние, так и перспективы алтаистики, отмечая ее актуальные задачи [17], в то время как после появления этого словаря в его публикациях присутствует даже не скепсис в отношении теории, а не слишком убедительно мотивированная критика представленной конкретики, призванная бросать тень на самое теорию.

тивным оказывается тот факт, что строго научная и вполне современная классификация алтайских языков, в том числе достаточно непротиворечивая классификация тюркских и тунгусо-маньчжурских языков по подгруппам, присутствует в книге А.А. Реформатского «Введение в языковедение» [18, 224-226]. Впрочем, в последнем издании этого весьма популярного издания имеется примечание, принадлежащее В.А. Виноградову: «Ряд ученых придерживается мнения о возможном далеком родстве трех языковых семей – тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской, образующих алтайскую макросемью. Однако в принятом употреблении термин «алтайские языки» означает скорее условное объединение, нежели генетическую группировку» [18, 224]. Приятными исключениями оказываются также учебники Р.А. Будагова [19, 516-517] и Т.И. Вендиной [20, 277], где классификация языков алтайской семьи не содержит скептических оговорок.

Общее положение в алтаистике до сих пор во многом определяется наследием предыдущих десятилетий – состоянием сравнительно-исторической и описательной тюркологии, монголоведения и тунгусо-маньчжурского языкознания 1950-х-1990-х годов.

В пяти книгах серии, посвященной сравнительно-историческому изучению языков разных семей, которая увидела свет на рубеже 1980-х-1990-х годов, отдельные специальные главы, которые были бы посвящены алтаистике, отсутствуют. В статье о тюркских языках отмечается полезность данных алтайских языков для верификации реконструкции [21, 209] – этот тезис имеет исключительное значение как для тюркологии, так и для алтаистики, поскольку «контралтаистические» тюркские реконструкции не верифицируются вообще никак и их авторы требовали принимать их как догму. В то же время в статье о монгольских языках в этой же книге алтаистика как научное направление, связанное с изучением их истории, не упоминается

вообще. И.В. Кормушин в своей статье о тунгусо-маньчжурских языках, помещенной в другом томе этого издания, упоминает проблемы родства алтайских языков в основном в плане истории науки [22, 155-156]. Тем не менее в многотомном издании «Языки мира» в томе, посвященном тюркским языкам, присутствует содержательная статья Э.Р. Тенишева, освещающая не только теоретические вопросы, но и содержащая большое количество фактического материала [23, 7-16].

Если иметь в виду частные дисциплины алтаистики, то сравнительное тунгусо-маньчжуроведение благодаря работам В.И. Цинциус и прежде всего ее книге «Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков» [24], (которая успела попасть под критику с марровских позиций), намного опережало исследование других групп алтайских языков. Для этого есть одна причина – различия между отдельными группами тунгусо-маньчжурских языков и прежде всего между северотунгусскими языками, южнотунгусскими языками и маньчжурским языком, а также и между отдельными языками внутри групп, как например, между эвенкийским и эвенским языками – гораздо более значительны, нежели различия между отдельными тюркскими языками и отдельными монгольскими языками. Книга В.И. Цинциус «Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков» [24] (издана в 1949 г., написана до 1940 г.) устарела лишь в мелких частностях и требует минимальных корректировок и дополнений [25].² Монголоведение в СССР в трудах Г.Д. Санжеева [26, 27], за рубежом – представлявшего ту же школу Н. Поппе (Poppe 1955) [28] продолжало то, что было сделано Б.Я. Владимирцовым (Владимирцов 1929): [29] большая близость монгольских языков, превосходящая степень близости тюркских языков (где все же имеются далеко отошедшие от других языков чувашский и якутский языки) не способствовала прогрессу в общемонгольской лингвистической реконструкции.

² Монголо-тюркские сравнения, которыми пользовался В. Котвич, восходят преимущественно к ранней работе Б.Я. Владимирцова «Турецкие элементы в монгольском языке» [54], материал которой воспроизводится в алтаистических трудах разных направлений и до сих пор. Здесь существенно то, что взаимные заимствования сильно искажают общие представления о сходно звучащих словах и осложняют отбор примеров для сравнительно-исторической реконструкции: идеи Б.Я. Владимирцова о вторичности распространения корня гласными второго слова в монгольских языках в конце концов не нашли подтверждения.

Любопытна логика эволюции сравнительной тюркологии. Прежде всего, если монголисты, исследовавшие соотношение письменного монгольского языка, живого в роли литературного языка монголов и сохраняющего множество архаичных черт, с современными разговорными языками территориальных групп монголов, бурят, калмыков, то тюркологи увидели большое сходство языка тюркских рунических памятников VIII века, дешифрованных в конце XIX века В. Томсеном и В.В. Радловым, и современных тюркских языков [30, 332-359]. Различия в материале привели к тому, что если для монголоведов лингвистическое время обрело объемную перспективу в эволюции монгольских языков, то для тюркологов оно как бы остановилось, поскольку изменения строя тюркских языков за последние 1500-1700 лет оказались незначительными. После выхода в свет «Исследований по сравнительной грамматике тюркских языков» [31, 32, 33, 34], которые по своему содержанию в сущности создали фундамент для реконструкции общетюркского состояния и интеграции его в алтаистику (по содержанию эти труды практически не устарели). Феномен тюркологии в ряду историко-лингвистических дисциплин заключается в том, что в ней сравнительно-исторические и теоретико-грамматические исследования либо не стареют вообще, либо оказываются изначально никуда не годными (*nomina sunt odiosa!*), в оборот вошла серия монографий А.М. Щербака, освещающих историю тюркских языков без какого бы то ни было исследования генеалогических связей тюркских языков. История появления первого тома этой серии «Сравнительная фонетика тюркских языков» [35] до сих пор загадочна. Так, фраза М.И. Стеблин-Каменского «Сказать, например, что переход /р > б/ объясняется «тенденцией к ослаблению артикуляции» и т. п., значит ничего не объяснить» ([36, 60]: позже статья неоднократно перепечатывалась) по сути уничтожала антропофонические (дофонологические)

³ Ср. соотношение слов финск *silmä* и мансийск. сам «глаз», показывающее те же закономерности: похоже, что в обско-угорских языках изменение фонетической структуры слова имело те же ареальные причины, что и в тюркских языках. Важно, что внутри монгольских и тунгусо-маньчурских языков прослеживаются те же самые тенденции к изменению и упрощению сочетаний согласных внутри слова – это видно при сравнении южнотунгусских языков с более архаичными севернотунгусскими языками и языками Внутренней Монголии в сравнении с монгольским и бурятским языками. Те же тенденции заметны в якутском языке и других тюркских языках Сибири по отношению к огузским и кыпчакским языкам.

построения А.М. Щербака, согласно которым слово «голова» восстанавливается как *паш, и это в течение многих лет заставляет тюркологов пребывать в задумчивости до сих пор: каковы для этого основания [37, 87]? Тем не менее ни конкретика, ни подходы к реконструкции в тюркологии не обратили на себя внимание ни компаративистов, ни специалистов по диахронической фонологии: нам сейчас остается обсуждать эти проблемы как предмет истории науки. Не случайно в 1980-е годы началась работа над новыми разноформатными сравнительными грамматиками тюркских языков [38, 39], не выражающие негативных отношений к самой алтайской теории, хотя и отмечающие ее недостатки, в частности, недоработанность [38, 3].

Рассмотрение общеалтайской реконструкции в ее вариантах Г. Рамстедта и Н. Поппе [40], или В.М. Иллич-Свитыча [41, 42] – в том числе в рецепции В.И. Цинциус [8] – позволяет заметить следующее:

1) в плане отношений между группами языков результаты этой реконструкции слишком просты, соответствия фонем между отдельными группами языков по большей части являются тривиальными и тем самым отвечают представлениям о довольно близком родстве языков, что находится в противоречии с относительно небольшим объемом морфологических и лексических параллелей;³

2) система соответствий гласных и согласных между отдельными группами алтайских языков явно неполна хотя бы в плане позиционного распределения рефлексов фонем в разных фонетических и морфологических положениях – вообще не были описаны рефлексы согласных в пре-консонантной, постконсонантной, ауслутойной позициях, множество проблем в реконструкции и системе соответствий в вокализме;

3) не были должным образом исследованы и собраны примеры нетривиальных соответствий между отдельными группами алтайских языков – корреспонденции со-

гласных и особенно гласных разного качества, различные случаи отпадения или выпадения согласных и т.п.;

4) имеющиеся факты не только не свидетельствуют против генетического родства алтайских языков, но, что намного важнее, не оставляют шансов для поисков сепаратного родства отдельных групп языков за пределами алтайской общности.

В целом, и сторонники, и противники алтайской теории в 1960-е – 1980-е годы были по своему неправы: даже фонетическая реконструкция была не завершена и для ортодоксальных алтаистов было неясно, где именно лежат перспективы ее совершенствования – хотя пополнить ее недостающими позиционными соответствиями и примерами, показывающими разнообразие и самую нетривиальность соответствий гласных и согласных не составило бы особо сложной задачи, тем более что как раз эта самая задача и требовала решения. Антиалтаисты, отрицающие существование алтайской семьи, но не возражавшие против родства групп алтайских языков на ностратическом или близком к нему уровне (С.Е. Яхонтов, Вяч. Вс. Иванов) не предложили доводов, которые усиливали бы их позиции. Контралтаисты, отрицавшие всякие позитивные построения в сфере родственных связей тюркских языков и стремящиеся увести сравнительно-историческое изучение монгольских и тунгусо-маньчжурских языков на ложные пути (Г. Дерфер, А.М. Щербак) устранились от изучения родственных связей тюркских языков, предлагая фантастические решения для их истории, оперируя данными досиверсовской антропофоники в обоснование своих построений, формулируя негодные критерии для обоснования родства и пользуясь неприемлемыми аргументами в критике родства. В частности, из работ этих авторов на свет являются такие идеи, как обязательное присутствие общеалтайской лексики во всех группах языков, тривиальность и однозначность соответствий, обязательность значительного внешнего сходства сравниваемых морфологических элементов и т.п. В этой ситуации оказались вполне логичными в равной мере как разработки в области семантической реконструкции [3, 8], продолжающие исследо-

вания С.С. Майзеля [43] и В.П. Старинина [44, 45] выполненные на материале семитских языков – хотя многие из результатов в этой сфере оказываются избыточными при отыскании новых этимологических решений, строящихся на новых нетривиальных соответствиях, так и продолжения в области фонетической реконструкции и выявления нетривиальных соответствий, умножающих число лексических сближений между отдельными группами алтайских языков [1, 46].

5) Результаты альтернативных сравнений тюркских языков с другими языками (шумерский, майя, этрусский), о которых, как писал А.М. Щербак «нельзя сказать ничего определенного» [47, 160], предполагающие по умолчанию намного более древнее родство, нежели родство алтайских языков, показывают гораздо большую степень внешнего сходства сравниваемых единиц, чем та, которая наблюдается для алтайских языков, при минимальном количестве самих сравниваемых единиц. Эти свойства предлагавшихся сближений – небольшое количество сравниваемых слов и значительная степень сходства слов при значительном возрасте предполагаемого родства или даже древних контактных связей – уже теоретически делают перспективы поисков родства в этом материале иллюзорной. Альтернативы алтайской теории эти построения не составляют, что, очевидно, было ясно и А.М. Щербак. Следовательно, высказываемые гипотезы неверны по умолчанию и могут иметь положительную оценку только в «контралтаистике», ставящей целью любой ценой дискредитировать родство алтайских языков, или в «любительской лингвистике», игнорирующей и сложившиеся мнения ученых, и соответствующую научную литературу.

Статьи по ортодоксальной, догматической, недискуссионной алтаистике на страницах ведущих отечественных журналов, в основном, публиковавшиеся в «Вопросах языкознания» [48, 49] по каким-то причинам очень немногочисленны, и они требуют специального разбора. Не очень понятны и причины того, что авторы этимологических словарей отдельных тюркских языков [51] позволяют себе негативно высказываться в адрес алтаистов, которые уже осуществи-

ли обобщение лексем из разных групп алтайских языков с тождественной семантикой, сами при этом занимаясь выведением тюркской лексики из производных от каких-то корней минимального размера при допущении недоказуемых семантических переносов и расщеплении корней на непонятные морфологические единицы. Этимологические решения, как известно, сводятся к трем типам: 1) обобщение параллелей; 2) раскрытие морфологической структуры; 3) указания на заимствованный характер слова и его источник [50]. Сводить этимологию слов к морфологической интерпретации – это означает возвращаться к тем далеким временам, когда «этимологией» называли описание морфологического строя языка.

Что было делать представителям нового научного поколения в области алтаистики, когда им, получившим специальную подготовку в области сравнительно-исторического языкознания под руководством Л.Г. Герценберга [52], и пришедшим в науку более трех десятков лет назад, было ясно, что теория генетического родства алтайских языков, скорее всего, корректна, хотя реконструкция фонетики, морфологии и лексики этих языков явно далека не только от содержательного, но и от структурного завершения, а контралтаистические аргументы не выдерживают критики и неприменимы даже к отдельным группам индоевропейских языков. Стало ясно – необходимо заполнять лакуны в реконструкции, описывать распределение рефлексов гласных и согласных по позициям, выверять регулярность фонетических соответствий в наиболее интересных и наиболее важных лексических сближениях.

Ключевую роль в этой области сыграл один хорошо знакомый факт – если в алтаистике принято сравнивать монгольское *ayta morin* и тюркское *at* «конь, лошадь», это означает, что в тюркских языках уже на уровне общетюркского праязыка подвергались

утрате преконсонантные согласные – хотя бы некоторые из них. Наличие в тюркских языках большого количества корней-омонимов или квазиомонимов, различающихся долготой и краткостью гласного первого слога, существенно упрощает стоящую перед исследователем задачу.

Поиск параллелей такого же типа для тюркского *a:t* «имя, слава» указал на монгольское *aldar* «слава, имя»: для многозначных слов с разной иерархией значений семантические комментарии не требуются. Для глагола *at-* «бросать, стрелять» соответствием того же типа оказывается монг. *alda-* «отпускать, упускать, ронять»: разница между «бросать» и «ронять» – разница в типе каузации, не лексическая, а грамматическая. В дальнейшем примеры тюрко-монгольских соответствий такого типа стали исчисляться сотнями [46] (Бурыкин 1999).

Одновременно все стало понятным в логике поисков и структурно-исторической классификации алтайских языков. По умолчанию полагалось, что тюркские языки с их наиболее простой структурой корня являются самыми древними из алтайских языков – невозможно было допустить, что эта простота структуры корня, заставившая В. Котвича взять тюркские языки за точку отсчета в эволюции фонетики и морфологии алтайских языков [53],⁴ окажется конечным результатом эволюции общеалтайских корней, реконструкции которых парадоксальным образом совпадают с их формами в монгольских языках, засвидетельствованных письменными формами этих языков.

Соотношение лексических единиц тюркских и монгольских языков в зависимости от структуры корня в монгольских языках в итоге сводится к трем типам:

1) Монг. *mösun* ~ тюрк. *buz* «лед»;

2) Монг. *dürsün* ‘изображение, вид, форма’ ~ тюрк. *jü:z* ‘лицо’

⁴ Мы здесь не беремся обсуждать вопросы, связанные с историей системы вокализма алтайских языков, где пока ясны два положения: 1) соответствия гласных внутри алтайских языков делятся на тривиальные (полностью совпадающие в сравниваемых языках) и нетривиальные, уклоняющиеся, сопологающие гласные разного качества [59]; 2) долгие гласные тунгусо-маньчжурских языков часто имеют качественно иные соответствия в других алтайских языках [60]. Оппозиция по количеству гласных в тюркских языках, похоже, имеет просодические истоки, соответствия долгим и кратким тюркским гласным на уровне фонем, как кажется, отсутствуют. Нельзя исключать того, что примером самой архаичной просодической системы в алтайских языках является японский язык с его словесной политонией, чем и объясняются сложнейшие проблемы в изучении акцентных систем в современных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Опыт решения проблем, связанных с вокализмом и просодической системой алтайских языков, дан в этимологическом словаре алтайских языков [3].

3) Монг. *deresiin* ‘камыш’ ~ тюрк. *jiz* ‘тростник’.

В первом типе соответствий в тюркских языках наблюдаются изменения в ауслауте, инициированные причинами морфологического или морфонологического характера и приводящие к десемантизации и дефонологизации финального комплекса ГС.

Во втором типе соответствий наблюдается тотальная утрата первого согласного в консонантных комплексах внутри слова (исключение составляет лишь согласный *ng*, теряющий назальность).

В третьем типе соответствий, очевидно, вследствие ранней синкопы гласного второго слога образуются вторичные сочетания согласных, которые впоследствии также теряют первый компонент.

В связи со сказанным обратим внимание на одну старую контроверзу в алтаистике – проблему числительных, где лишь числительное «четыре» демонстрировало внешнее сходство. Сейчас вполне ясно, что монг. *dörben* ‘4’ соответствует не эвенкийскому дыгин или нанайскому *дуин* ‘4’, а эвенкийскому *дыги-нмэн*, эвенскому *дыгэ-рмэн* «состоящий из четырех частей, компонентов»), в то время как тюрк. *tört* ‘4’ точно соответствует эвенкийскому *дыги-рэгдэ*, эвенскому *дыгэ-рдэ* «четверка» с тем же самым упрощением групп согласных и изменением слоговой структуры, причем именно эвенская форма, наиболее модифицированная среди форм тунгусо-маньчжурских языков (причиной модификации эвенского языка может быть как раз тюркское влияние) предельно приближается к общетюркской. Надо добавить, что и ценность сходств числительных перестала абсолютизироваться в компаративистике и сходство индоевропейских числительных первого десятка получает объяснение как частный случай, обусловленный культурными факторами [55, 22] – мы сейчас можем наблюдать, что у народов, занимающихся охотой и скотоводством, даже числительные первого десятка неустойчивы и часто имеют весьма прозрачную мотивировку; устойчивость числительных как константа сравнительно-исторического языкознания появляется при активизации обменно-торговых операций.

Сказанное означает, что А. Вовин в своих словах «*While Turkic and Japanese*

reconstructions are quite reliable (although a number of problems remain), this is not the case with the other three branches» [17, 192] был не вполне прав: с монгольской и с тунгусо-маньчжурской реконструкцией в целом все ясно и понятно, в то же время как общетюркская реконструкция, которая удовлетворяла бы задачам внешнего сравнения, по существу была далека от совершенства.

А. Вовин в чем-то прав, говоря: «*Turkic in all probability represents an independent offshoot, that separated from the rest of the family at a comparatively early stage»* [17, 193] – однако дело здесь скорее не в раннем отделении тюркских языков от алтайской семьи, но в специфическом их развитии под влиянием каких-то внешних факторов, возможно, в ранних контактах с самодийскими и енисейскими народами.

Деление языков какой-либо семьи и группы на более полезные и менее полезные для сравнительно-исторической реконструкции, на «объясняющие» – содержащие основания для реконструкции и «объясняемые» – те, которые предпринимаемая реконструкция демонстрирует как позднейший продукт эволюции – в компаративистике имеет обычно операционный характер и специально не эксплицируется. В индоевропеистике почти для каждой группы языков их древнейшие формы представлены в письменных языках, которые оказываются намного архаичнее живых современных языков. Тем не менее есть как минимум два удачных опыта исторической классификации языковых групп по признакам архаичности и инновационности, и, следовательно, по относительной полезности для сравнительно-исторических исследований – это некоторые работы по сравнительно-историческому изучению африканских языков [56] и исследования И.М. Дьяконова по семитохамитским языкам [57]. С.Е. Малов представил классификацию тюркских языков на «древние» и «новые» тюркские языки [58], однако далеко не все особенности тюркских языков, которые этот ученый считал древними, в действительности являются таковыми.

Подразделение алтайских языков на «древние» и «новые» в соответствии с тем, что предлагал С.Е. Малов для тюркских

языков, согласно количеству архаизмов и инноваций в отдельных языках и группах языков, позволяет установить пять градаций алтайских языков по «древности» и «новизне»:

1) монгольские языки «древние», или даже «древнейшие», наиболее архаичные по большинству признаков и проявлений фонетических соответствий: по существу монгольские слова соответствуют алтайским праформам, то есть реконструкция «монголо-тюркских» праформ, которые значительно отличались бы по форме от архаических форм в монгольских языках, невозможна в принципе;

2) тунгусо-маньчжурские языки – «древние», сочетающие архаику и инновации в разных пропорциях по группам и подгруппам. Так, начальные согласные лучше сохранены в южно-тунгусских языках, интервокальные согласные и сочетания согласных сохранены в северно-тунгусских языках, прежде всего в эвенкийском, но преобразованы в других языках. Вместе с тем в тунгусо-маньчжурских языках отмечается ряд инноваций, в частности изменение комплексов «широкий гласный + заднеязычный согласный» > долгий гласный <и>, выпадение согласных перед <м>, наблюдаемое только при внешнем сравнении, и ряд других изменений;

3) корейский язык очень близок по характеру изменений тунгусо-маньчжурским языкам, особенно их южно-тунгусской ветви и маньчжурскому языку; корейский и тунгусо-маньчжурские языки могут быть названы «относительно древние». Характерно, что в корейском языке, как и в южно-тунгусских языках, сохраняются начальные согласные, в то время как внутри слова здесь отмечаются существенные изменения;

4) японский язык – в совокупности классифицирующих черт – примыкает к корейскому, но по объему инноваций отстает от тюркских языков, что видно даже из книги С.А. Старостина [1]. По-видимому, японский язык и его диалекты (или родственные ему языки) – это пример «новых» алтайских языков;

5) тюркские языки – «новейшие», обладающие максимальным количеством инноваций, из которых надо назвать сведение

трех рядов шумных согласных (звонкие, глухие, придыхательные) к одному ряду, изменение финальных структур (отпадение комплексов VC, имеющие морфонологические причины), синкопы гласных второго слога, устранение первичных групп согласных внутри слова и образование вторичных групп согласных, часть которых также была преобразована, образование вторичных сочетаний согласных в финали и т.п. Понятно и внутри этой группы есть свои «древние» и «новые» языки, впрочем, как смотреть – трактовка чувашского (на основе ротацизма и ламбдаизма) и якутского языков (на основе соответствия огузского начального *j*- якутскому *с*- и близким к нему рефлексам в сибирских тюркских языках), как наиболее древних среди тюркских языков, в настоящее время является дискуссионной.

Такое деление алтайских языков, и само место тюркских языков среди алтайских языков выглядит достаточно неожиданным и в литературе по истории алтаистики оно как бы и не предполагалось вовсе. Однако эта классификация алтайских языков как определенный итог исследований наглядно объясняет особые трудности сравнения тюркского материала с данными других алтайских языков – как раз такой ситуации никто не мог предположить, и никто подобных соответствий не искал, хотя они лежат на поверхности. Любопытно, что для корней и слов, демонстрирующих значительные формальные расхождения, практически не требуется семантической реконструкции (ср. монг. *хорхинцог* «стручок» и татар. *кузак*, узб. *қўзоқ* «стручок» – с результатами упрощения сразу двух сочетаний согласных и вторичной суффиксацией, сохраняющей иллюзию тождества ауслатных элементов – в то время как для корней и слов со сходным звучанием весьма часто прослеживаются семантические дивергенции.

Высказанные здесь идеи имеют свою историю. Впервые они были изложены в 1990 году в виде докладов и позже сформулированы в ряде небольших публикаций начала 1990-х годов [61, 62, 63], затем в объемной программной статье [46]. Одновременно с этим была представлена классификация алтайских языков по степени со-

храняемости архаизмов с указанием места в ней корейского языка [64]. Установленные системы фонетических соответствий между монгольскими и тюркскими языками, отвечающие генетическому родству, позволили с большей точностью определять характер и направление взаимных заимствований в монгольских и тюркских языках [65, 66, 67]. Открываются перспективы выявления общеалтайских лексических реликтов в отдельных языках, в частности, в тюркских языках [68], где отсутствие сводного словаря лексики тюркских языков создает трудности для тотального обследования лексики этих языков, а этимологический словарь [37] приводит в основном хорошо известные лексические единицы. Есть и опыт осмысления проблем истории алтаистики в последней трети XX века в Петербургской и Московской алтаистических школах [69].

За 150 лет своего существования отечественная алтаистика накопила не только множество материала (фонетические соответствия, лексические сравнения, идентифицированные заимствования, изучение которых основывается уже на реконструкции, отвечающей генетическому родству), но и дала множество фактов для осмысления в истории науки и в общей теории сравнительно-исторического языкознания.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов в узусе специалистов, как отметила однажды А.В. Дыбо в одном из своих докладов, слова «алтайская гипотеза» сменились номинацией «алтайская теория». В наши дни алтаистика на современном уровне оказывается много проще и доступнее для восприятия, чем индоевропейское языкознание. Кажется, можно сказать, что «алтайской теории» как одной из идей родственных связей тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, а также корейского и японского языков, более нет – на смену этому понятию приходят представления об алтайской семье языков, отношения между которыми, видимо, лишь несколько более отдаленные, чем отношения между отдельными германскими языками, в частности отношения между монгольскими и тюркскими языками в плане исторической фонетики вполне сравнимы с соотношением немецкого и английского языков, а тунгусо-маньчжурские языки относятся к

тюркским и монгольским языкам так же, как голландский – к немецкому и английскому.

Польский лингвист Марек Стаховский в своей недавней проблемной статье представил периодизацию соотношения алтаистических и «контралтаистических» идей в следующем виде: до 1960-х годов – прогресс в алтаистике, 1960-е годы – 2003 год – преобладание «контралтаистов» (автор называет их «антиалтаистами», хотя у антиалтаистов и у контралтаистов разные убеждения и разные цели), с 2003 года – «алтаистический вакуум» [70, 263].

Результаты, часть которых представлена в данной статье, позволяют с оптимизмом смотреть на дальнейшее развитие теории родства алтайских и уральских языков. Это отдельная и сложная тема – пока мы ограничимся тем, что укажем на одно из продолжений исследований в этой области: сходство монгольских языков с уральскими языками, отмеченное В.В. Понарядовым, ни в коем случае не указывает на сепаратные родственные связи монгольских языков, но выступает как проявление архаического характера монгольских языков при том, что привлечение параллелей из других алтайских языков в разработке урало-алтайской проблематики осложнено именно нетривиальными межалтайскими фонетическими соответствиями.

Некоторый скепсис в отношении генетических связей корейского и японского языков выглядит всецело производным от уровня развития исторического языкознания в отдельных сферах сравнительно-исторического языкознания, различающихся по предмету (все остальные языковые семьи в этом плане в основном догоняют индоевропеистику), от недостаточного присутствия идей и материалов по родству алтайских языков в вузовских курсах по общему и сравнительно-историческому языкознанию, от отсутствия специальных учебных курсов по сравнительно-историческому изучению алтайских языков, а также от отношения к сравнительно-историческому языкознанию в национальных традициях и обратной зависимости последнего от представлений об истории государств и этносов, характерных для Турции, Кореи и Японии.

Литература

1. Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. 298 с.
2. Дыбо А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. М.: Наука, 1995. 392 с.
3. Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. The etymological dictionary of Altaic languages. Leiden, Brill, 2003. 2106 p.
4. Проблема общности алтайских языков. Л.: Наука, 1971. 404 с.
5. Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, 1972. 362 с.
6. Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л.: Наука, 1978. 271 с.
7. Исследования в области этимологии алтайских языков. Л.: Наука, 1979. 262 с.
8. Алтайские этимологии. Л.: Наука, 1984. 225 с.
9. Насилов Д.М. Об алтайской языковой общности (К истории проблемы) // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978. С. 90-108.
10. Насилов Д.М. Алтаистика XIX в. // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981. С. 150-155.
11. Насилов Д.М. Из истории алтаистики (статья первая) // Советская тюркология. – 1977. – № 3. – С. 77-93.
12. Насилов Д.М. В.В. Радлов и проблемы алтаистики // Советская тюркология. – 1978. – № 1. – С. 96-102.
13. Насилов Д.М. Из истории алтаистики // Советская тюркология. – 1979. – № 4. – С. 94-100.
14. Бурлак С. А., Старостин С.А. Введение в лингвистическую компаративистику. М.: Едиториал УРСС, 2001. 272 с.
15. Бурлак С.А., Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 432 с.
16. Котляров И.Д. Рецензия на учебник: С.А. Бурлак, С.А. Старостин. «Сравнительно-историческое языкознание» (М.: Академия, 2005. 432 С.) // Вестник ТОГУ. – 2007. – № 3(6). – С. 209-216.
17. Vovin A. ALTAIC, SO FAR // Migracijske teme 15 (1999), 1-2. P. 155-213.
18. Реформатский А.А. Введение в языковедение. 1996. 536 с.
19. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М.: Добросвет-2000, 2003. 544 с.
20. Вендина Т.И. Введение в языкознание. М., 2001.
21. Сравнительно-историческое изучение языков разных систем. Современное состояние и проблемы. М.: Наука, 1981. 357 с.
22. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы. М.: Наука, 1982. 343 с.
23. Тенишев Э.Р. Алтайские языки // Языки мира. Тюркские языки. М.: Наука, 1996. С. 7-16.
24. Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Учпедгиз, 1949. 342 с.
25. Бурыйкин А.А. О месте тунгусо-маньчжурских языков в алтаистических исследованиях // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы международной конференции. М., 2000. С. 12-16.
26. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Ч. I. М-Л., Изд. АН СССР, 1953. – 240 с.
27. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М.: Наука, 1964. 286 с.
28. Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955. 300 pp.
29. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., изд. АН СССР, 1929. XII, 436 с.
30. Добльхофер Э. Знаки и чудеса. М.: Наука, ГРВЛ, 1963. 387 с.
31. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1. Фонетика. М., 1955. 336 с.
32. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. М., 1956. 335 с.
33. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 3. Синтаксис. М., 1961. 232 с.
34. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 4. Лексика. М., 1962. 128 с.
35. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. 204 с.
36. Стеблин-Каменский М.И. Исландско-норвежские изменения согласных (К вопросу о сущности звуковых изменений) // Вопросы языкознания. – 1963. – № 5. – С. 58-66.
37. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.
38. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986. 301 с.
39. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М.: Наука, 1984. 488 с.
40. Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Wiesbaden, 1960. 188 s.
41. Иллич-Свитыч В.М. Алтайские дентальные: *t, *d, *ð. // Вопросы языкознания. – 1963. – № 6. – С. 37-57.
42. Иллич-Свитыч В.М. Алтайские гуттуральные *k', *k, *g. // Этимология 1964. М.: Наука, 1965. С. 338-343.
43. Майзель С.С. Пути развития корневого фонда семитских языков. М.: Наука, 1983. 308 с.
44. Старинин В.П. К вопросу о семантическом аспекте сравнительно-исторического метода (изосемантиче-

- ские ряды С.С. Майзеля) // Советское востоковедение. – 1955. – № 4. – С. 99-111.
45. Старинин В.П. Изосемантические ряды // Проблемы семантики. М., 1974. С. 349-354.
46. Бурыкин А.А. Роль монгольских языков для алтаистических исследований // История развития монгольских языков. Улан-Удэ, 1999. С. 19-42.
47. Щербак А.М. К вопросу об отдаленных связях тюркских языков // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Л., 1989. С. 150-161.
48. Суник О.П. К актуальным проблемам алтаистики // Вопросы языкознания. – 1976. – № 1. – С. 16-30.
49. Андреев Н.Д., Суник О.П. О проблеме родства алтайских языков и методах её решения // Вопросы языкознания. – 1982. – № 2. – С. 26-29.
50. Бурыкин А.А. Некоторые принципиальные вопросы этимологического анализа // Проблемы референции в языке и литературе. Тбилиси: изд. ТГУ, 1987. С. 235-237.
51. Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. 1-4. Новосибирск, 2000-2008.
52. Гирфанова А.Х. Л.Г. Герценберг и алтайское языкознание // Acta linguistica Petropolitana, 2014. Т. X. Вып. 1. С. 559-564.
53. Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М.: Изд. иностр. лит., 1962. 372 с.
54. Владимирцов Б.Я. Турецкие элементы в монгольском языке // Зап. вост. отделения Рус. археологич. об-ва, 1911. Т. 20. В. 2 – 3. С. 153-184.
55. Климов Г.А. Основы лингвистической компаративистики. М.: Наука, 1990. 168 с.
56. Вестфаль Е. О языковом родстве // Африканское языкознание. М., 1963. С. 365-377.
57. Дьяконов И.М. Семитохамитские языки. Опыт классификации. М.: КомКнига, 2006. 120 с.
58. Малов С.Е. Древние и новые тюркские языки // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XI. Вып. 2. М., 1952. С. 135-143.
59. Старостин С.А. Вокализм алтайских языков // 90 лет Н.А. Баскакову, М., 1996. С. 197-209.
60. Бурыкин А.А. Оппозиция долгих и кратких гласных в тунгусо-маньчжурских языках в перспективе внешнего сравнения // Тюркская фонетика-90. I Всесоюзная конференция. Тезисы докладов. Алма-Ата, 1990. С. 27-28.
61. Бурыкин А.А. Общеалтайская реконструкция и общетюркское состояние: соотношение инлаутных консонантных групп // Тезисы I конференции по теоретической лингвистике. М.: изд. РГГУ, 1993. С. 32-34.
62. Бурыкин А.А. Соотношение общеалтайской реконструкции и общетюркского состояния в свете соответствий инлаутных консонантных групп // Чувашский язык и алтаистика. Чебоксары, 1995. С. 14-18.
63. Бурыкин А.А. Соотношение линейной фонологической структуры слова в алтайских языках // Вопросы востоковедения. Кононовские чтения XII. СПб.: изд. СПбГУ, 2000. С. 25-30.
64. Бурыкин А.А. Позиция корейского языка в классификации отдельных групп алтайских языков и новые перспективы алтаистики // 100 лет петербургскому корееведению. Материалы международной конференции, посвященной столетию корееведения в Санкт-Петербургском университете. 14-16 октября 1997 года. СПб, 1997. С. 19-26.
65. Бурыкин А.А. Роль тюркских языков Алтая и Южной Сибири в исследовании родственных связей алтайских языков // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность (к 350-летию ойротской письменности). Материалы Межд. научн. конф. (5-7 октября 1998 г., г. Горно-Алтайск). Горно-Алтайск, 1999. С. 13-17.
66. Бурыкин А.А. Тюркские заимствования в тунгусо-маньчжурских языках и их значение для сравнительно-исторической тюркологии // Становление и развитие науки в Туве (Материалы Международной конференции, посвященной к 70-летию тувинской письменности 12-14 сентября 2000 г.). Ч. 1. Кызыл, 2000. С. 29-30.
67. Бурыкин А.А. Айсин эйхэн – altin eshäk, или к проблеме тюркского источника нескольких маньчжурских слов // Вопросы востоковедения. Кононовские чтения XII. СПб.: изд. СПбГУ, 2000. С.18-25.
68. Бурыкин А.А. Тофаларская лексика на общеалтайском фоне. Проблемы этимологических исследований лексики одного тюркского языка на фоне генетических и ареальных связей алтайских языков // Проблемы монголоведных и алтаистических исследований. Международная научная конференция. Элиста, 11-13 ноября 2009 г. (к юбилею профессора В.И. Рассадина). Элиста, 2009. С. 42-47.
69. Бурыкин А.А. Идеи С.А. Старостина и дальнейшие перспективы алтаистики // Аспекты компаративистики. 4 (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Вып. XXVIII). М., 2009. С. 9-24.
70. Stachowski Marek. Teoria Altaiska // LingVaria. – 2012. – VII. – № 2(14). – S. 239-263.
71. Понарядов В.В. Опыт реконструкции урало-монгольского праязыка. Сыктывкар, 2011. 44 с. (Научные доклады Коми научный центр УрО Российской академии наук, Вып. 510).

References

1. Starostin S.A. Altayskaya problema i proiskhozhdenie yaponskogo yazyka. M.: Nauka, GRVL, 1991. 298 s.
2. Dybo A.V. Semanticheskaya rekonstruktsiya v altayskoy etimologii. M.: Nauka, 1995. 392 s.
3. Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. The etymological dictionary of Altaic languages. Leiden, Brill, 2003. 2106 p.
4. Problema obshchnosti altayskikh yazykov. L.: Nauka, 1971. 404 s.
5. Ocherki sravnitel'noy leksikologii altayskikh yazykov. L.: Nauka, 1972. 362 s.
6. Ocherki sravnitel'noy morfologii altayskikh yazykov. L.: Nauka, 1978. 271 s.
7. Issledovaniya v oblasti etimologii altayskikh yazykov. L.: Nauka, 1979. 262 s.
8. Altayskie etimologii. L.: Nauka, 1984. 225 s.
9. Nasilov D.M. Ob altayskoy yazykovoy obshchnosti (K istorii problemy) // Tyurkologicheskiy sbornik. 1974. M., 1978. S. 90-108.
10. Nasilov D.M. Altaistika XIX v. // Tyurkologicheskiy sbornik. 1977. M., 1981. S. 150-155.
11. Nasilov D.M. Iz istorii altaistiki (stat'ya pervaya) // Sovetskaya tyurkologiya. – 1977. – № 3. – S. 77-93.
12. Nasilov D.M. V.V. Radlov i problemy altaistiki // Sovetskaya tyurkologiya. – 1978. – № 1. – S. 96-102.
13. Nasilov D.M. Iz istorii altaistiki // Sovetskaya tyurkologiya. – 1979. – № 4. – S. 94-100.
14. Burlak S. A., Starostin S.A. Vvedenie v lingvisticheskuyu komparativistiku. M.: Editorial URSS, 2001. 272 s.
15. Burlak S.A., Starostin S.A. Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie. M.: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2005. 432 s.
16. Kotlyarov I.D. Retsenziya na uchebnik: S.A. Burlak, S.A. Starostin. «Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie» (M.: Akademiya, 2005. 432 S.) // Vestnik TOGU. – 2007. – № 3(6). – S. 209-216.
17. Vovin A. ALTAIC, SO FAR // Migratsionnye teme 15 (1999), 1-2. P. 155-213.
18. Reformatskiy A.A. Vvedenie v yazykovedenie. 1996. 536 s.
19. Budagov R.A. Vvedenie v nauku o yazyke. M.: Dobrosvet-2000, 2003. 544 s.
20. Vendina T.I. Vvedenie v yazykoznanie. M., 2001.
21. Sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie yazykov raznykh sistem. Sovremennoe sostoyanie i problemy. M.: Nauka, 1981. 357 s.
22. Sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie yazykov raznykh semey. Zadachi i perspektivy. M.: Nauka, 1982. 343 s.
23. Tenishev E.R. Altayskie yazyki // Yazyki mira. Tyurkskie yazyki. M.: Nauka, 1996. S. 7-16.
24. Tsintsius V.I. Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov. L.: Uchpedgiz, 1949. 342 s.
25. Burykin A.A. O meste tunguso-man'chzhurskikh yazykov v altaisticheskikh issledovaniyakh // Problemy izucheniya dal'nego rodstva yazykov na rubezhe tret'ego tysyacheletiya. Doklady i tezisyy mezhdunarodnoy konferentsii. M., 2000. S. 12-16.
26. Sanzheev G.D. Sravnitel'naya grammatika mongol'skikh yazykov. Ch. I. M-L., Izd. AN SSSR, 1953. – 240 s.
27. Sanzheev G.D. Sravnitel'naya grammatika mongol'skikh yazykov. Glagol. M.: Nauka, 1964. 286 s.
28. Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955. 300 pp.
29. Vladimirtsov B.Ya. Sravnitel'naya grammatika mongol'skogo pis'mennogo yazyka i khalkhaskogo narechiya. L., izd. AN SSSR, 1929. XII, 436 s.
30. Dobl'khofer E. Znaki i chudesa. M.: Nauka, GRVL, 1963. 387 s.
31. Issledovaniya po sravnitel'noy grammatike tyurkskikh yazykov. Ch. 1. Fonetika. M., 1955. 336 s.
32. Issledovaniya po sravnitel'noy grammatike tyurkskikh yazykov. Ch. 2. Morfologiya. M., 1956. 335 s.
33. Issledovaniya po sravnitel'noy grammatike tyurkskikh yazykov. Ch. 3. Sintaksis. M., 1961. 232 s.
34. Issledovaniya po sravnitel'noy grammatike tyurkskikh yazykov. Ch. 4. Leksika. M., 1962. 128 s.
35. Shcherbak A.M. Sravnitel'naya fonetika tyurkskikh yazykov. L., 1970. 204 s.
36. Steblin-Kamenskiy M.I. Islandsko-norvezhskie izmeneniya soglasnykh (K voprosu o sushchnosti zvukovykh izmeneniy) // Voprosy yazykoznanija. – 1963. – № 5. – S. 58-66.
37. Sevortyan E.V. Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «B». M.: Nauka, 1978. 349 s.
38. Serebrennikov B.A., Gadzhieva N.Z. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. M.: Nauka, 1986. 301 s.
39. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Fonetika. M.: Nauka, 1984. 488 s.
40. Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Wiesbaden, 1960. 188 s.
41. Illich-Svitych V.M. Altayskie dental'nye: *t, *d, *ð. // Voprosy yazykoznanija. – 1963. – № 6. – S. 37-57.
42. Illich-Svitych V.M. Altayskie guttural'nye *k', *k, *g. // Etimologiya 1964. M.: Nauka, 1965. S. 338-343.
43. Mayzel' S.S. Puti razvitiya kornevogo fonda semitskikh yazykov. M.: Nauka, 1983. 308 s.
44. Starinin V.P. K voprosu o semanticheskom aspekte sravnitel'no-istoricheskogo metoda (izosemanticheskie ryady S.S. Mayzelya) // Sovetskoe vostokovedenie. – 1955. – № 4. – S. 99-111.

45. Starinin V.P. Izosemanticheskie ryady // *Problemy semantiki*. M., 1974. S. 349-354.
46. Burykin A.A. Rol' mongol'skikh yazykov dlya altaisticheskikh issledovaniy // *Istoriya razvitiya mongol'skikh yazykov*. Ulan-Ude, 1999. S. 19-42.
47. Shcherbak A.M. K voprosu ob otdalennykh svyazyakh tyurkskikh yazykov // *Aktual'nye voprosy sravnitel'nogo yazykoznanija*. L., 1989. S. 150-161.
48. Sunik O.P. K aktual'nym problemam altaistiki // *Voprosy yazykoznanija*. – 1976. – № 1. – S. 16-30.
49. Andreev N.D., Sunik O.P. O probleme rodstva altaiskikh yazykov i metodakh ee resheniya // *Voprosy yazykoznanija*. – 1982. – № 2. – S. 26-29.
50. Burykin A.A. Nekotorye printsipial'nye voprosy etimologicheskogo analiza // *Problemy referentsii v yazyke i literature*. Tbilisi: izd. TGU, 1987. S. 235-237.
51. Tatarintsev B.I. *Etimologicheskij slovar' tuvinskogo yazyka*. T. 1-4. Novosibirsk, 2000-2008.
52. Girfanova A.Kh. L.G. Gertsenberg i altaiskoe yazykoznanie // *Acta linguistica Petropolitana*, 2014. T. X. Vyp. 1. S. 559-564.
53. Kotvich V. *Issledovanie po altaiskim yazykam*. M.: Izd. inostr. lit., 1962. 372 s.
54. Vladimirtsov B.Ya. Turetskie elementy v mongol'skom yazyke // *Zap. vost. otdeleniya Rus. arkhologich. ob-va*, 1911. T. 20. V. 2 – 3. S. 153-184.
55. Klimov G.A. *Osnovy lingvisticheskoy komparativistiki*. M.: Nauka, 1990. 168 s.
56. Vestfal' E. O yazykovom rodstve // *Afrikanskoe yazykoznanie*. M., 1963. S. 365-377.
57. D'yakonov I.M. *Semitokhamitskie yazyki. Opyt klassifikatsii*. M.: KomKniga, 2006. 120 s.
58. Malov S.E. *Drevnie i novye tyurkskie yazyki* // *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. T. XI. Vyp. 2. M., 1952. S. 135-143.
59. Starostin S.A. Vokalizm altaiskikh yazykov // 90 let N.A. Baskakovu, M., 1996. S. 197-209.
60. Burykin A.A. Oppozitsiya dolgikh i kratkikh glasnnykh v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh v perspektive vneshnego sravneniya // *Tyurkskaya fonetika-90. I Vsesoyuznaya konferentsiya. Tezisy dokladov*. Alma-Ata, 1990. S. 27-28.
61. Burykin A.A. Obshchealtaiskaya rekonstruktsiya i obshchetyurkskoe sostoyanie: sootnoshenie inlautnykh konsonantnykh grupp // *Tezisy I konferentsii po teoreticheskoy lingvistike*. M.: izd. RGGU, 1993. S. 32-34.
62. Burykin A.A. Sootnoshenie obshchealtaiskoy rekonstruktsii i obshchetyurkskogo sostoyaniya v svete sootvetstviya inlautnykh konsonantnykh grupp // *Chuvashskiy yazyk i altaistika*. Cheboksary, 1995. S. 14-18.
63. Burykin A.A. Sootnoshenie lineynoy fonologicheskoy struktury slova v altaiskikh yazykakh // *Voprosy vostokovedeniya. Kononovskie chteniya XII*. SPb.: izd. SPbGU, 2000. S. 25-30.
64. Burykin A.A. Pozitsiya koreyskogo yazyka v klassifikatsii otdel'nykh grupp altaiskikh yazykov i novye perspektivy altaistiki // 100 let peterburgskomu koreevedeniyyu. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy stoletiyu koreevedeniya v Sankt-Peterburgskom universitete. 14-16 oktyabrya 1997 goda. SPb, 1997. S. 19-26.
65. Burykin A.A. Rol' tyurkskikh yazykov Altaya i Yuzhnoy Sibiri v issledovanii rodstvennykh svyazey altaiskikh yazykov // *Altay i Tsentral'naya Aziya: kul'turno-istoricheskaya preemstvennost' (k 350-letiyu oyrotskoy pis'mennosti)*. Materialy Mezhd. nauchn. konf. (5-7 oktyabrya 1998 g., g. Gorno-Altaysk). Gorno-Altaysk, 1999. S. 13-17.
66. Burykin A.A. Tyurkskie zaimstvovaniya v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh i ikh znachenie dlya sravnitel'no-istoricheskoy tyurkologii // *Stanovlenie i razvitie nauki v Tuve (Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy k 70-letiyu tuvinskoy pis'mennosti 12-14 sentyabrya 2000 g.)*. Ch. 1. Kyzyl, 2000. S. 29-30.
67. Burykin A.A. Aysin eykhen – altin eshäk, ili k probleme tyurkskogo istochnika neskol'kikh man'chzhurskikh slov // *Voprosy vostokovedeniya. Kononovskie chteniya XII*. SPb.: izd. SPbGU, 2000. S. 18-25.
68. Burykin A.A. Tofalarskaya leksika na obshchealtaiskom fone. Problemy etimologicheskikh issledovaniy leksiki odnogo tyurkskogo yazyka na fone geneticheskikh i areal'nykh svyazey altaiskikh yazykov // *Problemy mongolovednykh i altaisticheskikh issledovaniy. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya*. Elista, 11-13 noyabrya 2009 g. (k yubileyu professora V.I. Rassadina). Elista, 2009. S. 42-47.
69. Burykin A.A. Idei S.A. Starostina i dal'neyshie perspektivy altaistiki // *Aspekty komparativistiki*. 4 (Orientalia et Classica: Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti. Vyp. XXVIII). M., 2009. C. 9-24.
70. Stachowski Marek. Teoria Altaiska // *LingVaria*. – 2012. – VII. – № 2(14). – S. 239-263.
71. Ponaryadov V.B. Opyt rekonstruktsii uralo-mongol'skogo prayazyka. Syktyvkar, 2011. 44 s. (Nauchnye doklady Komi nauchnyy tsentr UrO Rossiyskoy akademii nauk, Vyp. 510).